

УДК 903.4

КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА В ИСТОРИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

А.В. Епимахов

Работа посвящена обзору современного состояния концепции фронта в теоретическом плане, а также вариантам ее применения к анализу конкретных материалов. Сделан вывод о необходимости корректировки ряда положений концепции в свете нового понимания масштабов этого явления. Предлагается использовать концепцию фронта при изучении долгосрочных процессов древней истории Зауралья.

Ключевые слова: фронт, теория, история, археология, социальные структуры.

Обращение к концепции фронта на современном этапе развития науки представляется вполне своевременным, особенно в условиях изучения конкретных исторических ситуаций. С нашей точки зрения, значимость этого феномена явно недооценена, как и его эвристическая ценность. Наиболее уместным кажется использование основных положений концепции при анализе территорий, расположенных в зоне границы культурных и этнических миров. Нетрудно понять, что для многих регионов ситуация контакта и взаимодействия принципиально разных компонентов типична, если не сказать перманентна на длительных исторических отрезках. Очевидно, что проследить влияние ситуации фронта можно в самых разных сферах, можно предположить даже, что эта ситуация могла стать определяющим фактором в формировании систем культурных стереотипов. Последние, особенно в традиционных обществах, могли воспроизводиться даже после утраты первоначальных оснований. Подчеркнем, что фронт способствовал формированию особой социальной и идеологической среды, которая отнюдь не тождественна граничащим культурным или этническим массивам.

Фронт, с нашей точки зрения должен рассматриваться как самостоятельная пограничная зона обитания группы людей, не тождественная соседствующим группам населения. Она обладает собственной системой культурных, социальных и технологических стереотипов, часть которых в дальнейшем получает распространение за пределами этой среды. Наиболее очевидной археологической манифестацией фронта является традиция строительства систем фортификации, однако их связь только с военным делом требует обоснования в каждом конкретном случае. Стимулы к возникновению и поддержанию данной традиции варьируют в широком спектре и зависят от ряда факторов (экономических, политических, этни-

ческих и пр.), т.е. за внешне сходными результатами овеществленной деятельности людей зачастую скрываются принципиально разные основания.

Взаимодействия и противостояния конкурирующих групп сопровождали большую часть истории, особенно в условиях многоэтничности регионов. Эта ситуация типична как минимум, начиная с периода формирования сложных (комплексных) обществ, т.е. с бронзового века. Ситуация фронта, характерна для многих периодов и регионов северной части Евразии, неизбежно порождает особую социальную и идеологическую среду с собственной системой приоритетов и достижений. Изучение факторов и механизмов формирования и взаимодействия социумов в условиях порубежья, особенно в долгосрочной динамике, способно определить существенный прогресс в понимании особенностей функционирования таких групп населения.

Анализируя состояние исследований по данной проблеме, следует рассмотреть разные аспекты. Теоретические основы концепции восходят к работам Дж. Тернера 1920-х гг. [1], однако они были сформулированы для конкретной исторической ситуации в истории США XIX в. В дальнейшем понимание фронта было существенно расширено и адаптировано к разным периодам и территориям, включая Сибирь (см. [2] и др.). Еще более широкое применение концепция нашла в практике зарубежных исследователей (см. обзор [3]). В ходе концептуализации понятия в современной трактовке сформулирован целый ряд признаков – этнокультурная неоднородность, неравная численность фронтирующих групп, амбивалентно-конфликтное взаимодействие этих групп, квазиграничность [4], а также демографические черты – преобладание молодых людей и детей в «продвигающейся» группе населения [5]. Выделяются два типа фронтиров: первый предполагает освоение незаселенных территорий, второй связан с наличием аборигенного населения и, как правило, развивается в условиях территориальных конфликтов, что в свою очередь приводит к возведению линий укреплений. Процесс осмысления истории фортификации идет активно и давно, начиная с наиболее древних [6] и вплоть до объектов исторической археологии (например, [7]). Однако эти и другие многочисленные работы оказались сфокусированы почти исключительно на военных аспектах функционирования фронта. С нашей же точки зрения, поле анализа может и должно быть существенно расширено.

Существует существенный разрыв в построениях археологов и историков, что определено целевыми установками и спецификой источниковой базы. Не секрет, что значительная часть реалий находит лишь косвенное отражение археологических памятниках. С другой стороны, для некоторых «поздних» периодов глубина и точность исторических сведений также недостаточна. Типичным в этом смысле примером является региональная история Зауралья периода кануна и начала русской колонизации. Однако вернемся к целевым установкам исследователей.

Как уже отмечено, наиболее наглядно ситуация фронта воплощена в традиции строительства укреплений. Однако этот сценарий реализуется при некоторых условиях. Наиболее очевидным является оседлость как минимум одной из групп и наличие технологических возможностей. Кроме того, важны демографические параметры групп, что подразумевает не только количество, но и состав. Оба показателя определяют не только мобилизационные возможности, но стимулы взаимодействию. Третья группа факторов связана с жизненно важными ресурсами для каждой из групп, точнее с пересечением их интересов в этой части. Нередко речь идет о принципиально разных системах жизнеобеспечения и образа жизни. И, наконец, свою роль играет и степень близости культурных стереотипов. Естественно, что те же факторы оказывают прямое влияние на результаты взаимодействия в условиях фронта.

Оговоримся, что в данном случае действует правило, что отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия, иначе говоря, ситуация фронта может существовать и при отсутствии систем фортификации. Выходом из проблемной ситуации в данном случае представляется изучение долгосрочной динамики функционирования для модельных территорий. Не давая универсальных ответов, такая работа очерчивает спектр возможностей интерпретации, в том числе, для периодов и территорий, лишенных прямых свидетельств. Такой подход предусматривает реконструкцию основ системы жизнеобеспечения, базы ресурсов, технологий, социальных структур, системы внешних связей и пр.

Зауральские древности, с нашей точки зрения, являются оптимальным полигоном для отработки методов такой работы. Начало функционирования фронта в этой зоне уверенно соотносится с бронзовым веком, когда по общему убеждению регион стал зоной контактов групп с принципиально разной лингвистической принадлежностью (индоевропейская и уральская), которая сочеталась радикальными различиями в социально-экономической системе. Однако на первом этапе эта ситуация не находит убедительного археологического воплощения, т.к. существование одной из групп удостоверено только курганными погребениями. Некоторые из них несут следы травматизма [8], но их характер не исключает возможности внутренних конфликтов.

Более наглядно и надежно иллюстрированы традиции фронта для синташтинско-петровского периода (XXI–XVIII вв. до н.э.). В нашем распоряжении многочисленные фортифицированные центры и некрополи с воинской атрибутикой [9]. Однако, куда более важно наличие четко очерченной территории этого населения. Учитывая общепризнанную миграционную составляющую культурогенеза, нетрудно сделать заключение о том, что основная масса стереотипов формировалась при том или ином воздействии ситуации фронта. К настоящему времени высказано боль-

шое число гипотез о возникновении и функционировании этой группы, хронологии, социальной организации, уровне развития военного дела и пр. Констатировано постепенно угасание военной составляющей в материальной культуре в последующий период, предложена объяснительная модель этого явления [10].

Картина следующего этапа местного бронзового века, с одной стороны, четко демонстрирует существенные отличия по многим параметрам (демография, уровень социальной сложности и военного дела и пр.), с другой, нет сомнений в эволюционном характере изменений и преемственности с предшествующим этапом. Таким образом, даже в условиях колонизации и стабилизации стереотипы, заданные эпохой первоначального освоения (фронта) сохраняли свою привлекательность в глазах носителей традиции.

Конец бронзового века ознаменовался возобновлением фортификационного строительства [11], но на этом этапе прослеживается иное пограничье. Условным рубежом может быть признаны бассейны Миасса и Чумляка. Именно здесь выявлены следы военной активности [12], наряду с так называемыми «синкретическими» погребениями, которые действительно сочетают черты разных археологических культур.

Таким образом, предшествующими работами накоплен обширный фактический материал, позволяющий сделать важные заключения об отдельных аспектах темы. Однако, отсутствует целостная картина истории взаимодействия разнокультурных и разноэтнических массивов населения в контактных зонах региона на протяжении длительного периода. К материалам бронзового века легко могут быть добавлены результаты исследований более поздних периодов. Наиболее очевидными познавательными возможностями располагают ранний железный век лесостепи, а также Новое время. Очевидно, что их соединение позволит проследить динамику фронта по разным показателям.

Подводя итог краткого обзора, подчеркнем, что концепция фронта может и должна быть модифицирована. Наиболее важной из таких перемен кажется отказ от рассмотрения этого явления как краткосрочного и узколокального. Пример Зауралья (даже в пределах одной археологической эпохи – бронзового века) со всей очевидностью демонстрирует длительность функционирования и сложность этого феномена.

Библиографический список

1. Turner, F.J. [The Frontier in American History](#) / F.J. Turner. – NY: Holt, 1921. – 375 p.
2. Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 5. – URL: <http://america-xix.org.ru/library/zamyatina>.

3. Naum, M. Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands / M. Naum // Journal of Archaeological Method and Theory. – 2010. – Vol. 17. – pp. 101–131.
4. Басалаева, И.Л. Критерии фронта: к постановке проблемы / И.Л. Басалаева // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/2/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/basalaeva.pdf.
5. Waselkov, G.A. Frontier and archaeology / G.A. Waselkov, R.E. Paul // North American Archaeologist. – 1980–1981. – Vol. 2 (4). – pp. 309–329.
6. Bar-Yosef, O. The walls of Jericho: an alternative explanation / O. Bar-Yosef // Current Anthropology. – 1986. – Vol. 27. – pp. 127–162.
7. Prior, S.A. Few Well-Positioned Castles: The Norman Art of War / S.A. Prior. – Stroud: Tempus Books, 2006. – 176 p.
8. Богданов, С.В. Эпоха меди степного Приуралья / С.В. Богданов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.
9. Корякова, Л.Н. Синташтинская археологическая культура: проблемы интерпретации / Л.Н. Корякова, А.В. Епимахов // Вестник истории, литературы, искусства. – 2010 – Т. 7. – С. 95–110.
10. Епимахов, А.В. Социум в зеркале погребальной обрядности населения эпохи бронзы Южного Урала: портрет или автопортрет? / А.В. Епимахов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – № 32 (291). – С. 23–26.
11. Матвеев, А.В. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура / А.В. Матвеев. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. – 416 с.
12. Епимахов, А.В. Миасское городище: к вопросу о южной границе бархатовских и гамаюнских древностей / А.В. Епимахов, М.Г. Епимахова // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 66–70.

[К содержанию](#)